

«МЫ САМИ СЕБЯ ХОРОНИМ...» (Постсоветская Россия глазами Запада).

«ЗАВТРА». Олег Алексеевич, вы – известный историк и политолог, автор более двадцати книг, постоянно работающий, что называется, на стыке культур, изнутри знающий и российскую “картину мира”, и картину мира, присущую Западу, и картину мира, господствующую на Дальнем Востоке, в КНР и Японии. Мы рады приветствовать ваш приезд на Родину после растянувшейся на добрых или, вернее, недобрых для нашей страны полтора десятка лет “кругосветки” по маршруту: Москва–Владивосток–Япония–Канада–США–Великобритания–Москва. Основным объектом ваших исследований является такой неожиданный и по-своему даже метафизический феномен, как “сила государства”, прежде всего в международных отношениях, тесно связанный с понятием силы вообще. Какова, по-вашему, силовая структура современного мира, и какое место занимает в нем Российская Федерация?

Олег АРИН. По моему глубочайшему убеждению: и человека, и исследователя,— мир представляет собой сложнейшую систему силовых взаимодействий самого разного уровня. Не все из этих уровней доступны нашему восприятию, и далеко не все из них доступны даже нашему представлению. Однако, поскольку мы сами существуем, то уже по этому факту находимся в определенной системе взаимодействий, которая непрерывно изменяется у каждого человека, у каждого общества, у каждого государства. Эти доступные нам уровни проявления силы можно не только воспринимать с той или иной степенью достоверности, их можно изучать и использовать, чем собственно, человечество и занимается всю известную нам историю.

Я обратил внимание на то, что понятие силы применительно к политической практике до сих пор не конкретизировано и не определено. Большинство авторов пользуется простейшими аналогиями с физическими силами – например, распространенные сегодня концепции “однополярного”, “однополюсного” или, напротив, “многополярного”, “многополюсного” мира, при всей их варибельности, исходят из аналогии политической силы с магнитной силой, порождаемой изменениями электромагнитного поля. Однако подобная аналогия лишена каких бы то ни было оснований,— ведь все прекрасно представляют себе, что такое “однополюсный мир”, но никто не в состоянии представить себе однополюсный магнит. Значит, эти силы имеют различную природу и разный характер.

Но, прежде чем строить гипотезы и теории по данному поводу, необходимо определить, в чем конкретно выражается политическая сила государства.

Согласитесь, любая объективно существующая и действующая сила может и должна иметь не только качественное, но и количественное измерение. В противном случае, не имея никаких количественных характеристик силы, мы не сможем выяснить, как она проявляет себя в различных условиях. Если обратиться к определению английского философа XVIII века Д. Гоббса: “Люди вспоминают о силе только тогда, когда они ее почувствуют”, то подобный сенсуализм будет справедлив и в отношении политической силы.

В качестве первого приближения к такой единице измерения я предложил “развести” понятие мощи или “полюса” государства с понятием “центра силы”. Первое понятие определяется через экономический потенциал (в агрегативной форме ВВП) и формулируется в виде “закона полюса”: в геоэкономическом пространстве глобальный или региональный полюс означает определение субъекта, отличающегося от других субъектов как минимум двухкратным превосходством. Певращение такого субъекта-”полюса” в “центр силы” предполагает наличие внешнеполитического потенциала (ВПП), уже в четыре раза превосходящего аналогичные показатели других государств на глобальном и в два раза — на региональном уровне. Это соотношение и определяет закон “центров силы”.

«ЗАВТРА». То есть “экономическая мощь” — это как бы потенциальная энергетика государства, а “политическая сила” — динамическая энергетика?

Олег АРИН. Можно сказать и так.

«ЗАВТРА». И каков, по-вашему, порог реальной политической мощи любого государства?

Олег АРИН. Ясно, что ВПП зависит от экономической мощи. Но помимо этого существуют закономерные пропорции затрат на внутреннюю и внешнюю политику. Например, для поддержания статуса “сверхдержавы” вам необходимо тратить на внешнюю политику около 20% госбюджета, для статуса “великой державы” – 10–12%, если же вас проблемы “державности” не интересуют, тогда ваш ВПП может быть значительно ниже 10%. При этом надо иметь в виду, что проблемы “державности” и указанные пропорции в современных условиях имеют значение только при минимальной критической массе ВВП не ниже 1 трлн. долл.

«ЗАВТРА». Интересное совпадение. Именно в эту долю известный французский историк Ф.Бродель определял максимально допустимые расходы на управление в обществах

традиционного, доиндустриального типа. Кстати, с этим связывалось и требование “церковной десятины”, дававшее католической церкви как минимум экономический паритет с любым государством средневековья.

Олег АРИН. Возможно, за этим совпадением и стоят какие-то закономерности, но вернемся к заданному вами в начале нашей беседы вопросу о силовой структуре современного мира и о том месте, которое занимает в нем сегодня Российская Федерация. Если подходить к этому вопросу с указанных выше позиций, то, скажем, в 1999 году экономический потенциал США был равен 8351 млрд. долл., Японии – 4079 млрд. долл., Германии – 2079 млрд. долл., Франции – 1427 млрд. долл., Великобритании – 1338 млрд. долл., Италии – 1136 млрд. долл., КНР – 980 млрд. долл., Бразилии – 743 млрд. долл., Индии – 442 млрд. долл., Мексики – 429 млрд. долл., а России – 333 млрд. долл. При всех возможных несовершенствах принятой международной методики подсчета ВВП, сам порядок этих цифр не подлежит никакому сомнению, погрешности относительно “западных” экономик в любом случае не превышают 20%, а относительно “восточных”, куда можно отнести КНР и саму Россию с ее “теневой” экономикой – пусть даже 100%. Принципиально это ничего не меняет: КНР по своему экономическому “весу” находится на уровне Германии и почти вдвое уступает соседней Японии, а Россия – на уровне Бразилии и почти вдвое уступает любой из развитых стран Евросоюза.

Уже из этих цифр видны общие контуры современного мира, в котором безраздельно доминируют Соединенные Штаты. В области экономического потенциала мы видим, что ближайшая по данному показателю к США страна, Япония, уступает лидеру в два раза или, как говорят в спортивном мире, “целый корпус”, что и делает экономическое лидерство Америки неоспоримым. Создание Евросоюза абсолютно справедливо рассматривается как попытка в первую очередь Германии и Франции под флагом европейской интеграции создать сопоставимый с США субъект экономики. Но этот процесс, во-первых, еще далеко не закончен, а во-вторых, он наталкивается и будет наталкиваться на ожесточенное противодействие Америки, которая применит весь арсенал имеющихся в ее распоряжении экономических и политических средств для подчинения и/или контроля “объединенной Европы”. В этой связи достаточно указать на перманентную “особую роль” Великобритании в ЕС, “косовский кризис” или нынешнее развитие событий вокруг Ирака. Так же ревниво США будет относиться и относиться ко всем попыткам реинтеграции постсоветского пространства, поскольку объединение экономического потенциала только трех “славянских” республик, России,

Украины и Беларуси, выведет этот союз в ряд ведущих европейских стран с ВВП, приближающимся к 1 трлн. долл.

Теперь перейдем на следующую ступень анализа, рассмотрим, как этот экономический потенциал политически мобилизован государственными структурами. Так вот, доля правительственных расходов относительно ВВП в 1998 году составила для США – 32,8%, для Японии – 36,9%, для Германии – 46,9%, для Франции – 54,3%, для Великобритании – 40,2%, а для России – 19,8%. Иными словами, степень политической мобилизации общества в современной России приблизительно в 2-3 раза ниже, чем в странах Запада. При этом следует учесть, что и в США, и в Японии, и в Великобритании расположена основная масса транснациональных корпораций (ТНК), политическая активность которых во многом компенсирует и дополняет политическую активность собственно государственных структур. Причем относительно Соединенных Штатов вообще можно говорить о полной интеграции “большого бизнеса” и государственных структур.

«ЗАВТРА». Иными словами, что хорошо для “Дженерал моторс”, хорошо для Соединенных Штатов?

Олег АРИН. Да, конечно. Подавляющая часть крупнейших ТНК мира имеет штаб-квартиры в США и управляется американскими гражданами. То есть уровень политической мобилизации ведущих стран Запада чрезвычайно высок (не ниже 40% от ВВП) и приблизительно одинаков. Россия на этом фоне предстает не просто карликом, но карликом политически расслабленным, не имеющим в лице своих государственных институтов эффективных механизмов для политической мобилизации и того объективно небольшого экономического потенциала, которым она располагает сегодня. К тому же сегодня в Кремле заявляют о необходимости дальнейшего снижения роли государства. Что ж, свято место пусто не бывает. В таком случае на смену государству придут ТНК, прежде всего американские, а вместе с ними здесь появятся и войска НАТО. Что мы, собственно говоря, и наблюдаем в течение трех лет путинского правления.

По общему показателю ВВП Россия в 1999 г. скатилась на 16-е место в мире, по ВВП на душу населения — на 98-е. За три года ситуация ничуть не изменилась. После этого о какой роли “великой державы” применительно к РФ, о каком “стратегическом партнерстве” с США могут говорить наши политики? Это прямой обман общества. Никто на Западе нынешнюю Россию в качестве “великой державы”, да и державы

вообще не воспринимает. Остаточные опасения вызывает наш ракетно-ядерный потенциал и ряд технологий оружия массового поражения (ОМУ), установление контроля за которыми с последующим их уничтожением является одной из главных задач американской политики относительно РФ. В США это обстоятельство даже не особенно скрывают. Ариэль Коэн, ведущий аналитик Фонда Наследия, на вопрос о том, является ли Россия “угрозой Америке”, отвечает: “Россия была опасной, будучи сильной, и может быть опасной в своей слабости. Ее арсенал ОМУ и технология, производящая это оружие, растекается по странам, которые враждебны Америке. Россия все еще обладает наибольшим ядерным потенциалом вне США, и она является единственной страной, способной уничтожить Соединенные Штаты”. То есть Америка сегодня воспринимает Россию как аффектированного дебила, у которого в руках остались очень опасные “игрушки”, которые постепенно и мягко нужно отобрать в целях собственной безопасности.

Должен заметить, что это очень логичная позиция, поскольку длящееся вот уже полтора десятилетия экономическое и политическое самоубийство нашей страны заставляет очень скептически относиться к умственным способностям ее так называемой “элиты”. В этой связи приведу одну цитату из книги “Стратегия для России: повестка дня для Президента-2000”, подготовленной самой “элитной” из наших “элитных” структур, Советом по внешней и оборонной политике (СВОП). Там ставится задача “постепенного свертывания тех отраслей, которые оказываются неспособными конкурировать с импортной продукцией”. То есть мы должны будем собственными руками уничтожить еще более половины собственной производственной экономики — на радость нашим “друзьям” из зоны “золотого миллиарда”. Один мой знакомый из числа крупных американских бизнесменов не случайно заявил, что “этим русским” даже веревку не надо давать: они сами ее найдут и сами повесятся. Вот так мы сами себя и хороним...

«ЗАВТРА». А как обстояло дело, условно говоря, вчера, во времена Советского Союза? И как оно обстоит в красном Китае XXI века?

Олег АРИН. Повышенная степень политической мобилизации, присущая социалистическому строю, делает сегодня наиболее опасным конкурентом США уже на ближайшую перспективу Китайскую Народную Республику. При самом пессимистическом для США сценарии уже сегодня американским 4 трлн. долл. противостоят 1,4 трлн. долл. “красного Китая”. С учетом почти 10%-ных темпов роста китайской экономики и стагнации в Америке это означает, что уже через 5-6 лет в мире

может сложиться качественно иная ситуация, в значительной степени соответствующая модели “биполярного мира”. Но, повторюсь, это пессимистический сценарий, основанный на учете “скрытой массы” китайской экономики и, напротив, “фиктивной массы” экономики американской. В рамках же официальных данных до 2025 года лидерство США должно оставаться неоспоримым.

Что касается СССР, то если брать 1985 год, начало правления Горбачева, то экономический потенциал США составлял тогда 3947 млрд. долл. при той же степени государственной мобилизации, а экономический потенциал СССР — 1390 млрд. долл. при степени государственной мобилизации порядка 70%. То есть правительственные расходы двух сверхдержав мира были принципиально сопоставимы: порядка 1500 млрд. долл. у США и порядка 1000 млрд. долл. у СССР. То есть почти трехкратное экономическое превосходство США в значительной степени нивелировалось более высокой степенью государственно-политической мобилизации советского общества.

Другое дело, что все хорошо в меру. Расходы СССР на внешнеполитические цели на протяжении достаточно длительного времени превышали максимальный порог системной безопасности, что, в общем-то, допустимо и оправданно только при ведении войны. Мы тратили тогда ежегодно порядка 300 млрд. долл. на “сверхдержавность”, включая сюда военные расходы, поддержку союзников и клиентов по всему миру и т.д., и т.п. То есть соблюдали фактически полный паритет с США, не обладая в то же время такими политическими союзниками, как Япония и развитые капиталистические страны Европы. А имели право тратить не более 250 млрд. долл., с учетом необходимого “запаса прочности” — и того меньше, порядка 150 млрд. долл. Это “сверхдержавное” перенапряжение советского общества в ходе “холодной войны” и было, на мой взгляд, одной из главных причин уничтожения СССР в ходе “перестройки” и последующих “рыночных реформ”.

Китай же в этом отношении не перенапрягается – напротив, его официальные расходы на внешнеполитическую деятельность, или, другими словами, его внешнеполитический потенциал (ВПП) приблизительно равен 10-12 млрд. долл. В то же время ВПП США превышает 300 млрд. долл., у Японии – 50 млрд. долл., у Германии, Великобритании, Италии и Франции ВПП колеблется в пределах 40-50 млрд. долл. Российская Федерация сегодня тратит на внешнеполитические цели около 8 млрд. долл. Слишком мало для “великой державы” и по-прежнему чересчур много для развивающейся страны “третьего мира”, в ряду которых сегодня объективно находится Россия. Это пережиток позднесоветской “затратной” модели любой

деятельности, при которой конечный эффект никак не сопоставлялся с затратами на его достижение. И данное обстоятельство еще сильнее усугубляет положение России в том, как я его называю, стратегическом капкане, куда ее загнал Запад.

В терминах “большой шахматной игры”, по Зб. Бжезинскому, нынешняя Россия – не игрок и даже не шахматная фигура. Это — одно из игровых полей, одна из клеток, по которым глобальный игрок двигает свои и “чужие” фигуры. Причем, развивая данную аналогию, можно сказать, что за “белых”, или за “золотой миллиард” играет, по сути, один игрок, а у “черных” каждому из множества игроков принадлежит по одной-две фигуры, не больше. Думаю, исход подобной игры для “черных” не вызывает никакого сомнения.

«ЗАВТРА». Олег Алексеевич, если следовать вашему анализу, то получается, что нынешняя Россия утратила как минимум три четверти своего экономического потенциала по сравнению с Советским Союзом, а в политическом измерении стала слабее в десятки раз. Такие итоги “рыночных реформ” нельзя назвать ни печальными, ни даже катастрофическими. Это то, что американцы называют “Апокалипсис сегодня”. Добавим к этому резкое ухудшение качества жизни, демографического потенциала нашей страны и т.д. Есть ли хоть какой-то “свет в конце туннеля”?

Олег АРИН. Боюсь, что ничего утешительного на этот счет сказать не могу, и вот почему. История, как мы ее знаем, представляет собой уникальное сочетание линейных и циклических процессов, которые никогда не повторяются. Сегодня идет много разговоров о глобализации, интернационализации, интеграции современного мира. В большинстве случаев говорящие даже не понимают, о чем они говорят, употребляя эти понятия как синонимы. Интернационализация, например, не является феноменом последних двух-трех десятилетий — это процесс, который начался со второй половины позапрошлого, XIX века, и за этот долгий период прошел и пики и спады. Скажем, торговая и инвестиционная интернационализация в 1913 году по многим показателям были куда более выраженными, чем в современном мире. Другое дело — финансовая интернационализация. Здесь, например, можно привести данные по ежедневному объему международного валютного рынка. В 1973 г. он составлял 15 млрд. долл., в 1985 г. — 190 млрд. долл., в 1995 г. — 1,2 трлн. долл., а в 2002 г. — свыше 2 трлн. долл. Рост за неполных 30 лет более чем в 130 раз! Второй особенностью последнего времени стала резкая модернизация средств коммуникации и связи. В 1994 г. с началом эксплуатации нитки Иркутск—Владивосток была замкнута всемирная опτικο-волоконная сеть. Напомню, что трехминутный разговор между Нью-

Йорком и Лондоном в 1996 г. стоил 1 доллар, а в 1930 г. (в сопоставимых ценах) — 300 долл. Это позволило разделить функции управления и производства, а внедрение компьютерных и сопутствующих технологий привело к опережающему росту производства идеального продукта, во многом изменив саму структуру мировой экономики со сдвигом в сторону услуг, в том числе и прежде всего — финансовых. Два этих момента и определяют суть процесса глобализации.

Интернационализация не является равномерным во времени и пространстве процессом, в результате чего создаются очаги экономической интеграции, образцами которых можно назвать Совет Экономической Взаимопомощи (СЭВ), уничтоженный в 1990 году, и ныне здравствующий Европейский Союз (ЕС). Продвинутое формы интеграции демонстрирует также Североамериканская ассоциация свободной торговли (НАФТА) в составе США, Канады и Мексики, в зачаточной форме аналогичные процессы идут в Северо-Восточной Азии и в Латинской Америке.

Глобализация как последняя по времени форма интернационализации направлена против такой региональной интеграции, на ее разрушение и/или подчинение интересам глобального лидера, в роли которого сегодня выступают США и американские ТНК. Как следствие глобализации, должна расти также и степень корреляции между динамикой национальных ВВП и мировой экономики в целом, что мы и видим сегодня. Иными словами, глобализация — это линейный процесс, а интернационализация и интеграция — процессы циклические. Таким же циклическим процессом выступает в течение последнего столетия пресловутая “полярность” мира, где “многополярность” закономерно сменяется биполярностью”, “биполярность” — “однopoлярностью”, а “однopoлярность”, в свою очередь, “многополярностью”. Нынешний мир однopoлярен и во многом глобализован. Если же брать политические формы правления, то как только в России начинают превалировать демократические формы правления, капиталистического или феодального типа, страна оказывается рассыпанной, раздробленной. Вспомним период феодальной демократии X-XIII веков, хаос после Ивана Грозного (конец XVI-середина XVII веков), период “капитализации” России с 1861 по 1917 годы. Наконец, нынешняя разрушительная “демократия” Горбачева—Ельцина. И, напротив, когда в России утверждалась диктатура царя или императора (Иван III, Иван IV, Петр I, Екатерина II), а затем “диктатура пролетариата” (Сталин) — Россия расширялась и укреплялась. Наша страна — это не Европа, не Азия и не мифическая Евразия. Это — Россия. На нынешнем капиталистическом пути, под “железной пятой” американской глобализации, в окружении более сильных государств никакой перспективы у нас, кроме дальнейшего разрушения и гибели, нет.

Питать еще какие-то иллюзии на данный счет — смерти подобно. В худшие свои времена, в 1990 г., СССР (то есть с республиками Средней Азии) занимал 33-е место по индексу человеческого развития среди всех стран мира. Сегодня Россия — только 63-я. Еще через десять лет, если только уцелеем, мы можем оказаться во второй сотне. Возможно, нынешних обитателей Кремля, и не только их, подобная перспектива устраивает. Лично меня она не устраивает абсолютно. Единственный шанс нам оставляет переход к социалистической системе, но только при условии четкого отказа от лжепатриотической “сверхдержавности”, постановки только тех целей и решении тех задач, для которых хватает сил и средств, и которые ведут к росту экономического и политического потенциала страны.

Опубликовано в «ЗАВТРА» No: 9(484) 25 февраля 2003 г. Автор: Олег Арин